

**Е. Ф. МАКСИМОВИЧ – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ “ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ”
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ¹**

В статье на примере судьбы и творчества Е.Ф. Максимовича поставлена проблема факторов успеха и неуспеха профессиональной карьеры представителей “второго поколения” историков русского зарубежья. Авторы пришли к выводу, что условия и образ жизни сказались на стиле научного творчества и отметили дрейф от научного к публицистическому. Эти обстоятельства во многом задавали горизонты видения исторической науки в метрополии, она воспринималась как раздражающее «чужое». Статья написана с использованием материалов отечественных и пражских архивов, а также научных публикаций и эмигрантской периодической печати.

Ключевые слова: историческая наука русского зарубежья, поколения историков-эмигрантов, советская историческая наука, научное сообщество

В 1920-е гг. за рубежом оказалась значительная часть российской академической и вузовской профессуры, в т.ч. несколько сотен историков. В монографии В.Т. Пашуто приводятся данные о более 200 ученых², по подсчетам Ю.Н. Емельянова их было 359³.

По-разному сложились их судьбы. В отличие от других категорий эмигрантов профессура имела более высокий адаптационный потенциал (знание европейских языков, высокий уровень образования и квалификации), а интернациональный характер науки и давние связи с научными центрами облегчали мучительный процесс социально-психологической адаптации. Вместе с тем, отсутствие правового статуса, национально ориентированная кадровая политика стран-реципиентов, недостаточная профессиональная востребованность, недоступность отечественных архивов и библиотек, постоянная нехватка денежных средств, острая жилищная проблема, не позволяли большинству российских историков даже “старшего поколения” в полную силу продолжить научную деятельность⁴. Еще более сложным было положение историков т.н. “младшего поколения”, которое порой называют “незамеченным”. Последний термин был введен в середине 1950-х писателем-мемуаристом зарубежья В.С. Варшавским. Он применял этот термин к поколению литераторов зарубежья, становление которых проходило в середине 1920 – начале 1940-х гг.⁵ С момента появления и до сих пор правомерность тер-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00397».

² Пашуто 1992. С. 115-190.

³ Емельянов 2008. С. 9.

⁴ Волошина 2013.

⁵ Варшавский 2010.

мина “незамеченное поколение” вызывает немало споров⁶, поскольку речь идет о коллективном портрете эмигрантской молодежи. Принадлежность к поколению определяется не только общностью возраста, но и ценностными предпочтениями, поведенческими практиками, внешними и индивидуальными условиями самореализации.

Понятие поколений используется и в истории исторической науки, в частности, при анализе науки зарубежья 1920–1930-х гг. Как правило, выделяют первое или “старшее” поколение и второе “молодое”, причисляя к последнему тех историков, которые, получив образование в России и, будучи оставленными на кафедрах для приготовления к профессорскому званию, не успели realizоваться на Родине.

Ко второму поколению историков-эмигрантов, занимавшихся русской тематикой, можно отнести Г.В. Вернадского (1887–1973), который хотя и защитил магистерскую диссертацию в октябре 1917 г. и получил кафедру в Пермском университете, все же в ноябре 1920 г. был вынужден покинуть Россию вместе с остатками добровольческих войск; Б.А. Евреинова (1888–1933), С.Г. Пушкарева (1888–1984), А.Ф. Изюмова (1885–1950), М.М. Карповича (1888–1959), В.В. Саханева (1885–1940), М.Т. Флоринского (1894–1981), М.В. Шахматова (1888–1943). Одним из них в эмиграции удалось защитить магистерские диссертации, другим нет, но они оставались в профессии. К их числу относится и герой нашей статьи Евгений Филимонович Максимович (1896–1965).

Скудные биографические данные Е.Ф. Максимовича рассыпаны в исследованиях, посвященных пражским историкам-эмигрантам и научным учреждениям в Праге⁷. По сути, первой публикацией, специально посвященной ему, можно считать нашу вводную статью к публикации его рукописи «Н.М. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский», хранящейся в архиве музея Национальной литературы Праги⁸.

Интерес к судьбам и научному наследию историков-эмигрантов “второго поколения” в современной историографии не случаен. Он связан, во-первых, с антропологическим поворотом, характеризующимся интересом к человеческому измерению, в т.ч. в интеллектуальной истории. История науки не может быть сведена лишь к ее вершинам, интеллектуальный ландшафт разнообразен. «Сливки взбиваются из молока». Во-вторых, он связан с актуализацией в современном эмигрантоведении проблем адаптации и социальной истории науки. Важно понять, как происходит становление ученого вне привычных академических рамок в чуждой национальной культуре, чем объясняется успех и неуспех карьерной траектории, какую роль в этом играет «креативность индиви-

⁶ Каспэ 2005; Васильева 2008.

⁷ Емельянов 2008; Ковалев 2012; Пашуто 1992; Шпаковская 2001.

⁸ Волошина, Корзун 2019.

да... давление материальных условий, общественных норм, правил и стереотипов, рутинных поведенческих моделей, шаблонов мышления, груз предрассудков, известных прецедентов, накопленного жизненного опыта и сети межличностных связей, растроченных сил, несбывшихся желаний и надежд»⁹. В какой-то степени эти вопросы могут быть прояснены на примере жизни и творчества Е.Ф. Максимовича, хотя на данном этапе эта работа сопряжена с определенными сложностями. В архиве русской эмиграции в Доме-музее М.И. Цветаевой (Москва) хранится личный фонд Евгения Филимоновича Максимовича, переданный его вдовой Екатериной Александровной в 1990-е гг. В нем находятся документы семейного архива, относящиеся к «пражскому» периоду жизни Е.Ф. Максимовича и А.А. Кизеветтера¹⁰. К сожалению, до сих пор фонд не разобран и недоступен для исследователей.

Максимович Евгений Филимонович родился в Харькове в семье директора Харьковской мужской гимназии. В 1913 г. он поступает на историко-филологический факультет Харьковского университета¹¹, который оканчивает в 1917 г., будучи оставленным для приготовления к профессорскому званию. Дальнейшее обучение было прервано из-за начавшейся Гражданской войны¹². В университете он специализировался по истории России, его студенческое сочинение «Боярская Дума в XVI столетии по изданным Посольским книгам» было отмечено золотой медалью¹³. Его научным руководителем был проф. В.И. Савва¹⁴, читавший в университете курсы «Русской истории до XVIII века», и «Российской историографии». В этом учебном заведении историографическая традиция имела глубокие корни и была представлена такими знаковыми именами как В.П. Бузескул и Д.И. Багалей. Последний читал курс российской историографии, но Максимовичу уже не довелось его прослушать. Как отмечает в своей монографии харьковская исследовательница Ю. Киселева, с «1909/10 учебного года вместо Д.И. Багаля чтение

⁹ Репина 2006. С. 19.

¹⁰ Шпаковская 2001. С. 168.

¹¹ Список студентов Императорского Харьковского университета... С. 135.

¹² Т- RZIA-4-1-27; Л. 24-25.

¹³ Отчет о состоянии и деятельности... С.5-8.

¹⁴ Савва Владимир Иванович (1865 – ок. 1920) воспитанник Нежинского историко-филологического института кн. Безбородько. Окончил его в 1888 г., преподаватель женской гимназии Оболенской в Харькове. С 1895 г. приват-доцент по кафедре русской истории в Харьковском университете. С 1900 г. преподаватель в Харьковском институте благородных девиц. В 1902 г. защитил магистерскую диссертацию «Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей». В период 1906–1908 гг. работал в Нежине. Затем вернулся в Харьковский университет. С 1912 г. профессор в Харьковском университете. В 1918 г. должен был состояться диспут по защите его докторской диссертации. Расстрелян большевиками.

курса российской историографии в Харьковском университете продолжил преподаватель кафедры русской истории В.И. Савва. Рукописи лекций В. И. Саввы свидетельствуют о том, что и раньше историографические сюжеты входили в содержание его лекций». Читаемый им курс «Российской историографии» состоял из «общей части» (т.е. источниковедческой), которая читалась в первом семестре, и из «специальной части» (во 2-м семестре), в которой рассматривалась «разработка российской истории в XVIII–XIX вв.»¹⁵. Таким образом, уже на студенческую скамью, Максимович мог получить солидную источниковедческую и историографическую подготовку¹⁶.

Волею исторических судеб путь в науку оказался прерванным. Не приняв большевистскую власть, молодой историк воевал против нее в составе Вооруженных сил юга России, а в 1920 г. вместе с остатками армии Врангеля эвакуировался в Турцию, где оказался в Галлиполийском лагере. Стремясь не допустить морального разложения армии, командование ужесточило дисциплину, регулярно проводило в лагере военные и штабные учения, парады и смотры, организовало работу шести военных училищ, двух офицерских школ и нескольких общеобразовательных курсов. Для проведения последних в Галлиполи был создан «Союз бывших младших преподавателей русских высших учебных заведений», который стал фактически филиалом Русской академической группы в Константинополе. В состав Союза вошел Е.Ф. Максимович. В 1921 г. он прочел слушателям курс «Русская история в период Смуты» (31 час). Одновременно он преподавал историю в русской гимназии, созданной в Галлиполи по инициативе и под патронатом баронессы О.М. Врангель. После объявления Чехословацким правительством «Русской акции» члены Союза, в т.ч. и наш герой, принимали участие в организации набора студентов для обучения в Чехословакии из числа галлиполийцев и проводили для них проверочные испытания¹⁷.

В 1923 г. вместе с набранными студентами он переехал в Чехословакию и после женитьбы (1924) на дочери А.А. Кизеветтера Екатерине Александровне был «обречен» на жизнь в научном сообществе. В 1926–1945 гг. Максимович работал в отделе документов РЗИА, был ученым экспертом архива, хотя не входил в состав его Экспертной комиссии. Преподавал в Русском народном университете в Праге, был членом правления Русского исторического общества (РИО), членом-сотрудником русской академической группы в Праге, входил в состав научно-

¹⁵ Кисельова 2014. С. 152.

¹⁶ В апреле 1930 г. на заседании Русского исторического общества в Праге он произнес речь «Памяти В.И. Саввы (к 10-летию со дня смерти)», а в ноябре 1931 г. на заседании того же общества прочитал доклад «Академик В.П. Бузескул». (Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции... С. 29, 83.)

¹⁷ Доклад Академической группы в Константинополе... С. 44.

исследовательского объединения при Русском Свободном университете, являлся действительным членом правления Археологического института Н.П. Кондакова, который до 1952 г. входил в состав Славянского института. С 1945 г. до выхода на пенсию работал в Славянской библиотеке, был сотрудником Чешского агентства печати¹⁸. Увлекался шахматами. Умер в 1965 г. в Праге.

Как видим, биография Е.Ф. Максимовича – это «разорванная биография» того поколения, которое называют потерянным. Используя выражение О. Мандельштама, можно сказать, что он принадлежал к числу людей, которые были выброшены социальной трансформацией из своих биографий «как шары из бильярдных луз»¹⁹. Академическая карьера не состоялась, хотя, в конечном счете, наш герой оставался в профессии, будучи ее «чернорабочим», работая в перечисленных выше институтах и время от времени пытаясь спрямить свою биографическую траекторию и «прорваться в большую науку». Его университетская исследовательская тема по истории Боярской Думы в XVI в. вряд ли могла быть продолжена в силу оторванности от источниковой базы, хотя известны две статьи историка, вышедшие в эмиграции, в русле его прежних интересов²⁰. Очевидно, такая ситуация стимулировала поиск нового проблемного поля, новой точки приложения своих сил, о чем свидетельствуют его доклады на заседаниях различных обществ. Так в РИО в Праге он выступил со следующими докладами: «Международное положение ко времени начала русско-турецкой войны 1877–1978 гг.» (май 1927 г.); «Князь С.Н. Трубецкой в подготовке к восстанию 14 декабря» (30 янв. 1928 г.); «Попытка пересмотра вопроса об опричнине» (28 мая 1931 г.); «О церковно-земском соборе 1549 г. (к вопросу о первом земском соборе)» (14 апреля 1932 г.); «Хронографическая летопись: малоизученный летописный памятник» (21 ноября 1932 г.); «О положении современной русской исторической науки» (18 сентября 1936 г., Археологический институт им. Н.П. Кондакова). Еще два доклада он сделал в Русском Свободном университете: «Историческая наука в СССР: последние сдвиги» (20 ноября 1936 г.) и «Новый официальный учебник истории СССР и русская историческая наука» (23 ноября 1937 г.)²¹. Большая часть этих докладов не была связана с его прежними университетскими интересами. Нашли отражение в его творчестве и историографические сюжеты. Они значимы для понимания оценки российского историографического процесса эмигрантским историком, находящимся внутри пражского на-

¹⁸ Емельянов 2008. С. 462.

¹⁹ Мандельштам 1928. С. 56.

²⁰ Максимович 1930; Он же. 1933.

²¹ Записки Русского исторического общества в Праге... С. 188, 189; Историческая наука российской эмиграции... С. 74, 176, 194, 201; Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции... С. 385, 387, 448.

учного сообщества, сопричастным деятельности его институций, знакомого с оценками в советской исторической науке представителей как старшего, так и младшего поколений отечественных гуманитариев. Обсуждение русской, а тем паче советской науки, было частью историографического быта русских эмигрантов.

Итак, остановимся на нескольких известных нам историографических работах Е.Ф. Максимова. В Праге в Литературном архиве Музея национальной литературы (Literární archiv Pamtníku národního písemnictví), в фонде писателя К.А. Чхеидзе²² находятся материалы профессора А.А. Кизеветтера и Е.Ф. Максимова. Там и была нами обнаружена рукопись последнего «М.Н. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский»²³. Это, скорее всего, доклад или эссе, презентация сохраняющейся в эмиграции дореволюционной культурной научной традиции, в рамках которой важная роль принадлежит интеллектуальным героям, признанным классикам отечественной историографии, каковыми, безусловно, являются указанные интеллектуальные богатыри. Интересны размышления автора о роли историка в формировании исторической памяти общества и национальной культуры в целом. Автором поставлена задача:

«...уяснить вклад каждого из них в сокровищницу русской культуры, их роль в формировании нашего национального самосознания, в создании живущего в нашей душе образа нашего исторического прошлого. В этом процессе роль больших историков вообще очень велика, но она редко оценивается по достоинству. Мало кто отдает себе отчет в том, что бытующая в обществе на коллективном и индивидуальном уровнях картина исторического прошлого, которая оказывает громадное влияние на общественно политические взгляды является, в сущности, лишь бледным и смутным отражением образа этого прошлого, некогда привидевшегося тому или другому крупному историку. Глубина мысли, богатство использованного материала, и в особенности, художественный и архитектурный талант историка определяют насколько сообщенный им образ оказывается живучим, насколько он запечатлевается не только в сознании современников, но и последующих поколений»²⁴.

Карамзин, Соловьев, Ключевский позиционируются в тексте Максимова как представители определенных этапов развития российской науки и культуры, даже типов научного творчества, а не как представители социально-классовых групп, что было характерно для находившихся

²² Чхеидзе Константин Александрович (1897–1974) – писатель, философ, евразиец, лектор Евразийского семинара (с 1924), член Союза русских писателей и журналистов за границей. С 1923 г. жил в ЧСР. В 1945 г. был арестован СМЕРШем, вывезен в СССР и осужден на 10 лет лагерей. В 1955 г. вернулся в ЧСР // Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике... С. 64.

²³ Památník národního písemnictví. Fond Ccheidze Konstantin Alexandrovič (№ 230) Maksimovic Jevgenij Filimonovic; Максимович 2019. С. 322-327.

²⁴ Максимович 2019. С. 324.

ся на стадии становления марксистской историографии. Это не исключало, а скорее предполагало обращение автора к исторической обусловленности научного творчества историков. К примеру, по Максимовичу, Н.М. Карамзин – историк «ритор», его творчество всецело принадлежит «эпохе Александровского ампира, а корнями своими восходит к еще более блистательной Екатерининской эпохе». Менее явственно такая обусловленность прослеживается у «мыслителя» С.М. Соловьева, и «художника» В.О. Ключевского, хотя социальная направленность концепции последнего определена достаточно четко. Высоко оценивая художественное мастерство, «живопись» историка и придавая большое значение образу в формировании исторической памяти, Максимович и сам стремился к художественному построению текста, создавая образы историков-классиков, в известном смысле, канонизируя их. Показательна в этом плане концовка его текста: «Ритор, мыслитель и художник – таковы были три крупнейшие индивидуальности, наложившие печать своего духа на видение нами исторического прошлого».

Эта работа представляет интерес также в плане сохранения и усвоения подходов, сложившихся в отечественной историографии в конце XIX – начале XX в., в частности включение ее в класс наук о культуре (В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский). И, как мы отмечали раньше, «эта линия была надолго утрачена в советском историографическом нарративе, но продолжала жить в Русском Зарубежье»²⁵. Почему и в каком виде? И развивалась ли она? Это предстоит выяснить исследователям, осмысливая историографические тексты эмигрантских историков в длительной хронологической перспективе и, возможно, открывая новые имена историографов. И все же нельзя не обратить внимания на некоторую небрежность подготовленного Максимовичем текста: в нем допущено как неверное цитирование классиков, так и неточности в датах. Возможно, это издержки публицистичности текста, недоступности первоисточника, либо следствие утраты профессионализма²⁶.

Интерес Максимовича к советской историографии нашел отражение в его статье «Историческая наука в СССР и марксизм-ленинизм», опубликованной в 1936 г. в «Современных записках»²⁷. В ней, по сути дела, отрицается наличие у советской науки сущностного содержания, она рассматривается лишь как сниженный уровень бытования вульгаризированного марксизма («марксизма-ленинизма» советского извода). Как считал Максимович, характерным для марксистской идеологии, особенно в ленинском варианте, становится «отрицание автономного значения науки», что привело к тому, что «в СССР наука вообще, а ис-

²⁵ Волошина, Корзун 2019. С. 321-322.

²⁶ Там же. С. 323-324 (примеч. № 17-19 к публикации рукописи Максимовича).

²⁷ Максимович 1936. С. 409-420.

тория по преимуществу, является работою политики (как в средние века “служанкой богословия”))»²⁸. Основная концептуальная установка Максимовича – подлинная историческая наука в Советской России может быть представлена лишь в досоветском, домарксистском, «до марксистско-ленинско-покровском варианте». Отсюда его глубокий пессимизм по отношению к перспективам ее развития.

В развитии советской историографии Максимович выделяет и характеризует четыре этапа (1917; 1918–1921; 1922–1927; 1929–1934), которые он оценивает с точки зрения материальных условий существования страны в целом и научного сообщества, в частности, степени свободы творчества, характера взаимоотношений науки и власти. Его прогноз на будущее весьма пессимистичен, поскольку ученый предвидит «новое усиление коммунистического гнета» и новый тур репрессий против уже «очень немногочисленных» буржуазных историков. К сожалению, ожидания репрессий оказались оправданными, поскольку впереди были 1937 год и кампания борьбы против космополитизма. Не оправдалось другое – несмотря на трагизм эпохи, изломанные судьбы ученых, историческая наука в СССР все же сохранила и, весьма значительный, потенциал развития. В определенной степени это признавали даже историки эмиграции. Близкий Максимовичу по духу, родственными связям и отношению к советской гуманитаристике А.А. Кизеветтер, выделял все же молодых, талантливых, научно перспективных советских исследователей, в частности М.В. Нечкину (будущего классика советской исторической науки). Более развернутую характеристику состояния советской исторической науки, и заметим, более фундированную, давал А.В. Флоровский, у которого весьма критическое отношение к советской исторической науке и реалиям (политическим в особенности) ее существования сочеталось с признанием, что она «богата и обильна научными плодами», по крайней мере, в приоритетных областях исследования²⁹.

Процесс профессиональной адаптации человека в инокультурную среду сложен и многогранен. Несложившаяся академическая карьера Е.Ф. Максимовича, на наш взгляд, может считаться одним из вариантов стратегии поведения представителей «второго поколения» историков-эмигрантов, хотя этот вопрос еще требует дополнительных исследований в плане персонификации. Стремление научного сообщества Зарубежья воссоздать дореволюционную систему воспроизводства научных кадров в конечном итоге оказалось безуспешным. В условиях выживания большинство представителей «молодой научной поросли» были вынуждены разрываться между необходимостью добывания средств к существованию и желанием заниматься наукой. Условия жизни не могли

²⁸ Максимович Е.Ф. 1936. С. 409.

²⁹ Архив РАН, Фонд 1609, Оп. 1. Д. 46, Л. 11.

не сказаться на стиле научного творчества, наблюдается дрейф от научного к публицистическому. Эти обстоятельства во многом задавали горизонты видения исторической науки в метрополии, она воспринималась как раздражающее «чужое».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив Российской Академии Наук (РАН). Фонд 1609.
Slovanská knihovna v Praze. Trezor – Ruský zahraniční historický archiv v Praze. T-RZIA-4-1-27; L. 24-25.
- Васильева М.А. «Незамеченность» как поэтика и опыт (о полемике вокруг «незамеченного поколения» В.С. Варшавского // Нансеновские чтения 2007. СПб.: Изд-во «Сударыня», 2008. С. 424-437.
- Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М.: «Русский путь» / Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. 544 с.
- Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: «Форум», 2013. 448 с.
- Волошина В.Ю., Корзун В.П. Классики в историографическом дискурсе Е.Ф. Максимова // Мир историка: историографический сборник. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. ГУ, 2019. С. 315-322.
- Доклад Академической группы в Константинополе и ее отделения в Галлиполи // Съезды русских академических организаций за границей. Прага. 1923. С. 43-45.
- Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918-1939) / сост. З. Сладек, Л. Белошевская. Praha: Euroslavica. 1998. 342 с.
- Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. 494 с.
- Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века (Хроника) / С.А. Александров. М.: АИРО–XX, 1998. 312 с.
- Каспэ И.М. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. М.: НЛЮ. 2005. 192 с.
- Максимович Е.Ф. Н.М. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский // Мир историка: историографический сборник. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. ГУ, 2019. С. 322-327.
- Максимович Е.Ф. Историческая наука в СССР и марксизм-ленинизм // Современные записки. Париж, 1936. № 46. С. 409-420.
- Максимович Е.Ф. Первосоветник Думы Боярской // Записки Русского исторического общества. Прага. 1930. Кн. 2. 141-162.
- Максимович Е.Ф. Церковно-земский собор 1549 года // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 9. Белград. 1933. С. 1-15.
- Мандельштам О.Э. Конец романа. Ленинград: Изд-во «Академия» 1928. С. 52-56.
- Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета на 1914–1915 академический год. Харьков, Тип. «Печатное дело». 1915. Кн. 4, ч. офиц. С. 5-8.
- Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М. Изд-во «Наука», 1992. 401 с.
- Репина Л.П. Интеллектуальная история в человеческом измерении // Человек второго плана в истории. Вып. 3. Ростов-н/Д., 2006. С. 5-19.
- Список студентов Императорского Харьковского университета на 1913–1914 академический год. Харьков. Тип. «Печатное дело». 1914.
- Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / под ред. Л. Белошевской. Прага. Славянский Институт АН ЧР. 2001. Т. II. 639 с.
- Шпаковская М.А. Одиннадцать лет в эмиграции (Из жизни профессора А.А. Кизеветтера в Праге) (по материалам московских архивов) // Вестник РУДН. Сер. «Международные отношения». 2001. № 1. С. 163-169.
- Кисельова Ю.А. Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті : монографія. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. 252 с.

REFERENCES

- Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS). The 1609 Fund.
Slovanská knihovna v Praze. Trezor – Ruský zahraniční historický archiv v Praze. T-RZIA-4-1-27; L. 24-25.
Vasil'eva M.A. «Nezamechennost'» kak poetika i opyt (o polemike vokrug «nezamechennogo pokoleniya» V.S. Varshavskogo // Nansenovskie chteniya 2007. SPb.: Izd-vo «Sudarynya», 2008. S. 424-437.
Varshavskij V.S. Nezamechennoe pokolenie. M.: «Russkij put'» / Dom russkogo zaru-bezh'ya im. Aleksandra Solzhenicyna. 2010. 544 s.
Voloshina V.YU. Vyrvannye iz rodnoj pochvy. Social'naya adaptaciya rossijskich uchenyh-emigrantov v 1920-1930-e gody. M.: «Forum», 2013. 448 s.
Voloshina V.YU., Korzun V.P. Klassiki v istoriograficheskom diskurse E.F. Maksimovicha // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik. Vyp. 12. Omsk. Izd-vo Om. GU. 2019. S. 315-322.
Doklad Akademicheskoy grupy v Konstantinopole i ee otdeleniya v Gallipoli // S"ezdy russkih akademicheskikh organizacij za granicej. Praga. 1923. S. 43-45.
Dokumenty k istorii russkoj i ukrainskoj emigracii v CHEkhoslovackoj respublike (1918–1939) / sost. Z. Sladek, L. Beloshevskaya. Praha: Euroslavica. 1998. 342 s.
Emel'yanov YU.N. Istoriya v izgnanii: Istoricheskaya periodika russkoj emigracii (1920–1940-e gody). M.: NP ID «Russkaya panorama», 2008. 494 s.
Istoricheskaya nauka rossijskoj emigracii 20–30-h gg. XX veka (Hronika) / S.A. Aleksandrov. M.: AIRO–XX, 1998. 312 s.
Kaspe I.M. Iskustvo otsustvovat'. Nezamechennoe pokolenie russkoj literatury. M.: NLO. 2005. 192 s.
Maksimovich E.F. N.M. Karamzin – S.M. Solov'ev – V.O. Klyuchevskij // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik. Vyp. 12. Omsk: Izd-vo Om. GU, 2019. S. 322-327.
Maksimovich E.F. Istoricheskaya nauka v SSSR i marksizm-leninizm // Sovremennye zapiski. Parizh, 1936. № 46. S. 409-420.
Maksimovich E.F. Pervosovetnik Dumy Boyarskoj // Zapiski Russkogo istoricheskogo obshchestva. Praga. 1930. Kn. 2. 141-162.
Maksimovich E.F. Cerkovno-zemskij sobor 1549 goda // Zapiski Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade. Vyp. 9. Belgrad. 1933. S. 1-15.
Mandel'shtam O.E. Konec romana. Leningrad: Izd-vo «Akademija» 1928. S. 52-56.
Otchet o sostoyanii i deyatelnosti Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta na 1914–1915 akademicheskij god. Har'kov, Tip. «Pечатnoe delo». 1915. Kn. 4, CH. ofic. S. 5-8.
Pashuto V.T. Russkie istoriki-emigranty v Evrope. M. Izd-vo «Nauka», 1992. 401 s.
Repina L.P. Intellektual'naya istoriya v chelovecheskom izmerenii // Chelovek vtorogo plana v istorii. Vyp. 3. Rostov-n/D., 2006. S. 5-19.
Spisok studentov Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta na 1913–1914 akademicheskij god. Har'kov. Tip. «Pечатnoe delo». 1914.
Hronika kul'turnoj, nauchnoj i obshchestvennoj zhizni russkoj emigracii v CHEkhoslovackoj respublike / pod red. L. Beloshevskoj. Praga. Slavyanskij Institut AN CHR. 2001. T. II. 639 s.
SHpakovskaya M.A. Odinnadcat' let v emigracii (Iz zhizni professora A.A. Kizevettera v Prage) (po materialam moskovskih arhivov) // Vestnik RUDN. Ser. «Mezhdunarodnye otnosheniya». 2001. № 1. S. 163-169.
Kisel'ova YU.A. Stanovleniya ta razvitok istoriografii v imperators'komu Harkivs'komu universiteti. H.: HNU imeni V.N. Karazina, 2014. 252 s.

Волошина Валентина Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского: valvoloshina@rambler.ru

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского: Korzunv@mail.ru

**E.F. Maksimovich: a representative of the "second generation"
of historians among the Russian exiles**

The article is focused on the life and work of E.F. Maksimovic and discusses the factors of success and failure of the professional career of the "second generation" of émigré historians of the Russian diaspora. The authors concluded that the style and living conditions affected the style of academic work and noted the drift from academia to journalism. These circumstances largely set the horizons of the vision of historical discipline at home, which was perceived as an annoying "alien". The article used materials from Russians and Prague archives, as well as academic publications in the emigrant periodicals.

Keywords: historiography, historical science of Russian abroad, generations of immigrant historians, Soviet historical science, academic community, "divided biography"

Valentina Voloshina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of modern Russian history and historiography, Dostoevsky Omsk State University; valvoloshina@rambler.ru

Valentina Korzun, Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Department of modern Russian history and historiography, Dostoevsky Omsk State University; Korzunv@mail.ru